

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.6.8>

UDC 94(44)“04/14”
LBC 63.3(4Fra)

Submitted: 03.04.2018
Accepted: 30.08.2018

THE “TRUE EVIDENCE” IN THE PERCEPTION OF THE *LEX SALICA*

Vladimir N. Dryakhlov

Volgo-Vyatka Institute (Branch) of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Kirov, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The text of the *Lex Salica* (Salic Law) presents us the form of the contestable trial, widely spread in the barbarian kingdoms. The main question, which was discussed by the judges and people in the judicial assembly was connected with the evaluation of the proof of guilt. *Methods and materials.* Russian researchers traditionally rely on the definition of the proof of guilt based on the opinion formulated by Z. Chernilovsky who included witness testimony, compurgators' oaths and ordeals in the definition. Important opinions of foreign researchers include R. Zohm's conclusion that witness testimony was the main proof of lawfulness of the plaintiff's demands, and K. F. Drew's opinion (based on the conclusion that kinship played a major role in those days) that compurgation and ordeal were decisive factors for the proof of guilt. *Analysis.* Compurgator kinsmen argued not in favor or against specific facts, but confirmed that the accused and their oath of innocence were trustworthy. Ordeal was never used as a standalone legal measure, but only as an alternative, where the accused had to stand trial with a boiling kettle or buy out his hand and produce compurgators. Proof of guilt by witness testimony has a priority in the Salic Law, with far more frequent mentions than compurgators or ordeal. *Results.* The analysis of the articles of the Salic Law containing such phrases as “be he held culpable” or “a true evidence” makes it possible to expand the list of incriminating facts with, first of all, material evidence (mostly a stolen object with an owner's mark or distinguishing characteristics) that served to incriminate the offender. In addition to that, a number of articles contain explicit references to the use of admission of guilt (usually, when there was no wilful intent) and survivors' testimony as a proof of guilt of accomplices in crime.

Key words: *Lex Salica*, guilt, proof of guilt, “true evidence”, contestable trial.

Citation. Dryakhlov V.N. The “True Evidence” in the Perception of the *Lex Salica*. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2018, vol. 23, no. 6, pp. 116-123. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.6.8>

УДК 94(44)“04/14”
ББК 63.3(4Фра)

Дата поступления статьи: 03.04.2018
Дата принятия статьи: 30.08.2018

«ВЕРНАЯ УЛИКА» В ВОСПРИЯТИИ «САЛИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ»

Владимир Николаевич Дряхлов

Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета
им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Киров, Российская Федерация

Аннотация. В отечественной литературе определение доказательств вины традиционно базируется на точке зрения З.М. Черниловского, который отнес к их числу показания свидетелей, клятвы соприсяжников и ордалий. Из зарубежной литературы по этому вопросу важно заключение Р. Зомы о значении свидетельских показаний как главного доказательства правомерности требования истца, а также мнение К.Ф. Дрю (с опорой на вывод о большом значении родственных связей в те времена) о решающем значении соприсяжничества.

ства и ордалия при доказывании виновности. Но соприсяжники-родичи присягали не в пользу наличия или отсутствия определенных фактов, а подтверждали то, что сам обвиняемый и его клятва о невиновности заслуживают доверия. Ордалий никогда не использовался сам по себе, а только как альтернатива: пройти испытание котелком с кипящей водой или выкупить руку и представить соприсяжников. Доказывание виновности при помощи свидетелей в тексте «Салической Правды» находится на первом месте: упоминаний о них гораздо больше, нежели о соприсяжниках и применении ордалия. Анализ тех статей «Салической Правды», где содержатся обороты «и будет уличен», «верная улика», позволяет расширить состав уличающих фактов и добавить к ним в первую очередь применение улики материального характера (главным образом в виде украденной вещи с хозяйской меткой или индивидуальной приметой) для уличения преступника. Помимо этого, на основании ряда статей очевидно также применение в целях доказывания вины показаний соучастников преступления, собственного признания правонарушителя (обычно при отсутствии умысла в его действиях), показаний самого пострадавшего, который выжил после совершения преступления.

Ключевые слова: «Салическая Правда», вина, доказывание вины, «верная улика», состязательный процесс.

Цитирование. Дряхлов В. Н. «Верная улика» в восприятии «Салической Правды» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2018. – Т. 23, № 6. – С. 116–123. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.6.8>

Введение. «Салическая Правда» – важный письменный источник для изучения завершающей стадии родоплеменного строя и становления основ государственной власти среди салических франков. Письменное закрепление обязательных правил общественного поведения, возникших еще в рамках обычного права, но дополняемых теперь установлениями крепнущей королевской власти, стало одним из атрибутов этого времени. Такое переходное состояние в становлении королевского права отразилось в обвинительно-состязательной форме судебного процесса и ее процессуальных действиях. Полноценное понимание всего этого возможно только в единстве с изучением правового мышления того времени, его особенностей и отдельных сторон, следы которых сохранились в положениях «Салической Правды».

Методы и материалы. Использование сведений из «Салической Правды» в отечественной литературе (главным образом советского времени) было связано с изучением вопроса о возникновении основ феодального строя в раннее Средневековье. Под таким уклоном данные из «Салической Правды» привлекались для решения вопроса о развитии форм собственности на землю и общинной организации [1; 2; 4; 5; 6; 8; 10; 14]. Изучение же собственно правового содержания судебного процесса, через что определяется общественное положение отдельных групп населения, суть их имущественных взаимоотношений и пр., происходило медленнее. Из работ по истории судопроизводства

в те времена мы располагаем лишь общим описанием хода судебного процесса в части прав и обязанностей его участников [16, с. 168–172] и некоторыми исследованиями по его частным сторонам [7; 12].

Отыскание преступника, его изобличение и правомерное наказание как закономерный исход судебного разбирательства невозможны без должной доказательной основы. Поэтому историческое воссоздание этой стороны судебного процесса в его состязательной форме представляется важным для понимания особенностей правосознания людей той эпохи. Вопрос о наличии вины у подозреваемого франка, об обусловленной этим его ответственности становился центром обсуждения на судебной сходке. В связи с этим поиск и толкование доказательств вины правонарушителя, вокруг которых обычно и развивался состязательный ход суда, когда истец старался убедить судей в виновности ответчика, а тот отрицал это, составляют цель нашего исследования. Это может быть достигнуто:

а) через определение средств (путей) доказывания виновности в статьях «Салической Правды», касающихся в первую очередь уголовных деяний;

б) через обобщение сходных казусов и выявление (или уточнение) таким путем доказательной основы.

Трудность работы с источником обусловлена, во-первых, тем, что исследователь располагает только вторичными (производными) текстами «Салической Правды», которые ос-

тались после исчезновения первоначального варианта, оставленного где-то в последние годы правления Хлодвига (481–511) [9, с. 405]. Они являются частью сокращенными, а частью переделанными версиями изначального варианта, к которым были добавлены капитулярии преемников Хлодвига. Во-вторых, оригинальность «Салической Правды» состоит в том, что она в большей мере является сборником пояснений и толкований к существовавшим на то время нормам обычного права, который предназначался для помощи представителям власти и церкви при решении затруднительных случаев [15, с. 100–101]. Поэтому писец (или тот, кто ему диктовал) оставил вне записи наиболее простые и понятные для того времени случаи, которые могли бы послужить основой для понимания ряда запутанных мест в тексте судебника.

В связи с этим, учитывая казуальный характер изложения текста, приходится согласиться с тем, что сравнительный анализ отдельных казусов или их групп оказывается наиболее подходящим методом для исследования предлагаемого вопроса. Повод для использования такого метода заложен в самой «Салической Правде», где имеется словесный оборот «и будет уличен». Он повторяется в судебнике более пятидесяти раз, объединяя тем самым довольно большую группу казусов. Можно уверенно полагать, что такое выражение связало в сознании составителей судебника вынесение обвинительного приговора именно с наличием такой определенной и справедливой улики по поводу виновности ответчика, которая не вызывала на судебной сходке никаких сомнений ни у оказавшегося там короля, ни у самих судей-рахинбургов, ни у любопытствующей толпы.

В тексте имеется также другое важное понятие – «верная улика» (*probatio certa* – [13, XXXIX, 2]). Этот оборот закреплен в фразе «и против него не окажется верной улики» [13, XVI, 4, add. 3; XXXIX, 2], имея смысл в наличии такого убедительного факта, которому, надо полагать, без всяких сомнений верили все собравшиеся на судебном собрании и который делал грядущее наказание неизбежным. Поэтому решение вопроса о том, на каких доказательствах основывалось обвинение в отношении ответчика строится на анализе тех

пунктов судебника, где использованы ранее названные выражения.

Анализ. Определение доказательств виновности традиционно базируется на давней точке зрения З.М. Черниловского, который отнес к главным доказательствам вины показания свидетелей, соприсяжничество и ордалий [17, с. 130–131]. Иной подход, где упор сделан на наличие собственно «реальных доказательств», существенно влиявших на исход судебного разбирательства, представлен О.А. Омельченко. К ним в первую очередь отнесены «безусловные доказательства», то есть не подлежащие никакому оспариванию: предъявление королевской грамоты, взятие с поличным на месте преступления. При их отсутствии использовались «условно-объективные доказательства»: метание жребия как особая форма «божьего суда», соприсяжничество [11, с. 289].

В давней работе Р. Зом по судебному процессу «Салической Правды» исследовались только нормы частного права из гражданско-правовых ситуаций или процедур (вызов в суд, взыскание по займу). При их анализе Р. Зом выделил особое значение свидетельских показаний как главного доказательства правомерности требования или действия истца [19, S. 126–127].

В современной зарубежной историографии наиболее известным исследованием по содержанию «Салической Правды» является работа К.Ф. Дрю. Опираясь на вывод о большом значении родственных отношений среди франков в те времена (что, действительно, объективно, если вспомнить главу «Об отказе от родства»), она отнесла к основным и убедительным доказательствам виновности только соприсяжничество и ордалий. Однако, как признала К.Ф. Дрю, из содержания текста неясно разделение между использованием клятв соприсяжников и ордалия. По ее первой версии, клятвы применялись только при разборе мелких правонарушений, а ордалий – при крупных. По второй версии, на клятвы своих родичей-соприсяжников мог полагаться только человек с хорошей репутацией, а опороченный людской молвой – нет. Ему оставалось только испытание ордалием [18, р. 34–35]. Вторая версия представляется более убедительной: в отечественной литературе

такого подхода придерживался М.А. Чельцов-Бебутов [16, с. 170].

Таким образом, в вопросе о доказательствах виновности мы имеем триединую основу: свидетели, соприсяжники, ордалий. Но очевидно признать, что соприсяжничество, неоднократно упомянутое в «Салической Правде» [13, XVI, 4, add. 3; XXIX, 2; XLII, 5; LIII, LVIII, Cap., II, 4; Cap., V, 5, 6], не служило доказательством вины в полной мере. Соприсяжники-родичи присягали не в пользу наличия или отсутствия определенных фактов, а для подтверждения того, что обвиняемый и его клятва (присяга) достойны доверия [16, с. 171]. На очищающую роль подобных клятв определенно указано в Капитулярии II, где сказано: «... тот, кто вызван, если он сознает себя чистым по этому делу, должен очиститься клятвой с 12 соприсяжниками» (*cum XII ad sacramentum absolere se delet* – [13, Cap., II, 8]).

Ордалий же последний, самый крайний способ для определения вины подозреваемого, когда в его отношении не было ни явных улик, ни свидетелей его противоправного деяния. Суть ордалия как одного из вариантов «божьего суда» состояла в обращении к потустороннему миру с целью получить ответ-подсказку о наличии виновности (или ее отсутствии) в действиях подозреваемого путем проведения особой процедуры (испытание водой, огнем и железом). Однако его исход был заранее очевиден, ибо такое испытание неизбежно приводило к ожогам и обвиняемому ничего не оставалось делать, как платить штраф. Но заметим, что ордалий в «Салической Правде» никогда не использовался как единственно возможный способ проверки, а только как альтернатива: обвиняемому требовалось пройти испытание котелком с кипящей водой или выкупить руку и представить соприсяжников [13, LIII].

В связи с этим при определении доказательств вины однозначно поддержать вывод З.М. Черниловского (свидетели, соприсяжники, ордалий) невозможно, ибо клятвы соприсяжников по своей сущности выходят из числа оснований виновности подозреваемого, поскольку его родичи единодушно клялись в его пользу. Полагать же, что франки доверяли исключительно словам соприсяжников или исходу ордалия, означает попросту отказать

им в наличии способности здраво судить о самых простых признаках преступления и оценивать их.

Оборот «и будет уличен» впервые появился в главе II «О краже свиной», где речь шла о похищении молочного поросенка [13, II, 1] и о нанесении «воровским образом» удара супоросной свинье [13, II, 3]. Судя по смыслу упоминаемых здесь противоправных деяний, основой для изобличения оказывалось признание пострадавшим украденного поросенка как своего или же показания свидетелей, подсмотревших нанесение удара по свинье.

Вероятно, именно опознание истцом украденных из его домохозяйства (или из стада) телят [13, III, 1–2], быков и коров [13, III, 3], овец [13, IV, 1], коз [13, V, 1], собак [13, VI, 1], охотничьих птиц [13, VII, 1], улья с пчелами [13, VIII, 1] служило доказательством явной виновности ответчика. Опознание похищенных животных могло быть сделано при помощи тавра или иной метки, которая, к примеру, была на прирученном олене [13, XXXIII, 2]. Не будем также исключать наличие особой приметы на животном (окрас, старый шрам). Это определенно можно утверждать исходя из слов о том, что «если кто опознает своего коня или быка... у другого» [13, XLVII]. По-видимому, обоснование пострадавшим своих прав на вещь при помощи индивидуальной метки (знака, приметы) было широко распространено при возвращении украденных вещей. К примеру, такими убедительными доказательствами служили украденный с вожак свиного стада колокольчик [13, XXVII, 1], бубенчик с коня [13, XXVII, 2], женский браслет [13, XXVII, 26, add. 10]. Это становилось особо ценным доказательством, когда ответчик упорно отрицал свою вину.

В тексте имеются слова о том, что «если кто похитит свободного человека и против него не окажется верной улики (*probatio certa non fuerit*), он должен представить соприсяжников как при убийстве» [13, XXXIX, 2]. Встречается еще один случай, где также указано на отсутствие должной улики: «Если кто нападет на чужую виллу и овладеет находящимся там имуществом и, если не будет точной улики...» (*probatio certa non fuerit* – [13, XLII, 50]). Такая «верная улика» явно имела решающее значение тогда, когда обвиняемый

«вздумает отрицать и будет уличен» [13, LXV, 2]. Что же подпадало в сознании людей того времени под определение «верной улики»?

В главе IX «О вреде, причиненном nive...» уточнено, что изобличение виновного происходило путем «предоставления... улики со свидетелями» (*si convictus eum fuerit et testibus* – [13, IX, 5, add. 2]). Автор (или авторы) этой фразы, видимо, подразумевал под этим обстоятельством, прежде всего, улику материального характера: следы копыт на земле, поврежденные животными стебли растений, сами животные, пойманные пострадавшим от отравы и помещенные им в особую загородку. Ведь принадлежность домашних животных тому или иному хозяину очень легко было установить, ибо своих и чужих животных знали все жители тех маленьких деревень и хуторов, в каких проживали тогда франки. Подобные улики становились особо значимыми не просто при наличии свидетелей – владельцев соседних участков, заметивших случаи отравы, но при безусловном подтверждении с их стороны сути правонарушения и его оставшихся следов.

Материальный характер улики очевиден при чтении статей о краже. Украденная вещь, обнаруженная у вора, если случая кражи или осуществления взлома в жилище никто не видел, становилась неопровержимой уликой. Так мог быть уличен вор, обобравший спящего человека [13, XIV, 6, add. 3] или извлеченного из могилы мертвеца [13, XIV, 6, add. 5], когда могила раскапывалась тайно, возможно ночью и в одиночку. Другого вора уличали украденные с водяной мельницы железные детали, имевшие явно индивидуальные приметы [13, XXII, 1, add. 1].

Для уличения правонарушителя также были важны показания соучастников его противоправного деяния. К этой группе улики отнесем признание свободной девушки о своем нежелательном сексуальном поведении [13, XXV, 2], слова рабыни, с которой какой-то свободный франк вступил в половое сношение без ведома ее господина [13, XXV, 3–4]. На судебной сходке давал свои показания человек, подкупленный кем-то для совершения кражи [13, XXVIII, 1].

К «верной улике» относился захват виновного на месте преступления, что не остав-

ляло никаких сомнений в наличии у него преступного замысла. Словесный оборот «и будет застигнут» применялся к определению наказания за преднамеренную потраву своим скотом чужого поля или за кражу из чужого виноградника: «Если кто воровским образом пустит свой скот на чужую жатву и будет застигнут...» [13, XXVII, 5, add. 1; 13].

Толкование и сравнение приведенных ранее случаев позволяет определить, что в восприятии составителей «Салической Правды» самыми убедительными и разумными основами для уличения виновного являлись:

1. Собственное признание правонарушителя, происходившее обычно при отсутствии умысла в его действиях: «Если кто по своей небрежности причинит вред животному... и сознается в этом» [13, IX, 3].

2. Материальные улики в виде той самой вещи, оказавшейся объектом преступного посяательства, а затем обнаруженной в чьем-то обладании. Улики в виде подобной вещи применялись главным образом при доказывании краж движимого имущества (домашняя утварь, животные, рабы). Украденные вещи становились тяжелой уликой для подозреваемого, будучи индивидуализированы, например при наличии хозяйской метки.

3. Показания пострадавшего. Судя по содержанию ряда положений «Салической Правды», такой способ уличения виновного был достаточно распространен. Сюда относятся слова похищенной девушки о числе похитителей и о наличии у них оружия [13, XIII, 1–3], слова франка, который остался в живых после ограбления [13, XIV, 1] или смог спастись бегством и запомнил нападавшего на него [13, XVII, 9]. Преступника обличали также те, по кому промахнулись смертельным ударом [13, XVII, 1], или те, кто выздоровел после ранения [13, XVII, 4–7]. Выживший после отравления человек твердо помнил того, кто коварно предложил ему выпить отвар неизвестных трав, которые оказались ядовитыми [13, XIX, 2]. Важными оказывались свидетельства пострадавшей женщины, когда решался вопрос о чьей-то вине при лишении жизни плода в ее чреве («и это будет доказано» – [13, XXIV, 4]) или слова того, кто все-таки выбрался из колодца, куда его бросили [13, XLI, 9].

4. Изобличение подозревавшегося в совершении преступления при помощи свидетелей. Помимо главы XLIX, требовавшей их неременного прибытия на судебное собрание, свидетели упоминались при описании около двух десятков ситуаций. Часть из них – это случаи об имущественных спорах, рассмотренные Р. Зомом, где присутствие свидетелей служило доказательством законности процедуры и правомерности требования истца: вызов в суд [13, I, 3], подтверждение владения животным [13, XXXIII, 2], оформление наследования [13, XLVI], взыскание по займу [13, L], по ссуде [13, LII] и пр. Упоминаний о свидетелях при разборе уголовных случаев гораздо меньше, но они имеются. Напомним об участии свидетелей при доказывании жертвенного предназначения украденного кабана [13, II, 12] и случая потравы [13, IX, 5].

В некоторых статьях свидетели не упоминались, но их возможное присутствие явно там подразумевалось, как это очевидно при толковании содержания в ряде казусов. К примеру, свидетелями оказывались те люди, кто видел похищение раба [13, XXXIX, 1, add. 1] или неправомерное отпущение на свободу чужого раба во время судебного собрания [13, XXVI]. По-видимому, именно использование свидетелей в большей мере подкрепляло суть «верной улики», когда материальные улики или следы противоправных действий (взлом, потрава) было трудно связать с действиями определенного человека. Доказывание виновности при помощи свидетелей в тексте «Салической Правды» стоит на первом месте: упоминаний о них гораздо больше, нежели о соприсяжниках и применении ордалия.

Внимание в тексте привлекает группа не вполне ясных по сути описаний, содержащих все тот же самый оборот «и будет уличен», но относящихся к тем случаям, когда жертва и преступник столкнулись один на один. Каким образом был уличен тот, кто на перекрестке дорог смертельно добил умиравшего [13, XLI, 8] или прикрыл труп убитого им франка ветками [13, XLI, 2]? Как была доказана вина того, кто, скрывая следы преступления, бросил мертвое тело в колодец [13, XLI, 9]?

Эту группу казусов объединяет, вероятно то, что в сельской местности вокруг хуторов и деревень повсеместно и постоянно с хо-

зяйственными или иными целями (заготовка дров, выпас скота, сбор ягод и лекарственных растений, охота и пр.) перемещались и бродили люди. Они могли из-за кустов или деревьев случайно подсмотреть совершение преступных действий. Несмотря на то что обживаемые салическими франками области на севере Галлии оставались в те времена малозаселенными, никак нельзя отрицать наличие каким-то образом оказавшегося поблизости от места преступления случайного свидетеля. Затем он мог рассказать об увиденном своим родичам (соседям), что впоследствии доходило до всеобщей огласки на судебной сходке.

Выводы. Приведенные примеры и их анализ позволяют расширить тот состав доказательств, на которых основывался разбор главным образом уголовных случаев. Предположения о первостепенном значении свидетельских показаний в деле уличения правонарушителя подтверждены. Но, помимо всего, очевидно присутствие вещественного доказательства как объективной и трудно опровергаемой основы для безусловного доказывания виновности. Использование такого рода улики является убедительным при толковании приведенных нами случаев из «Салической Правды».

Подбор казусов для судебного осуждения осуществлялся его составителями, видимо, интуитивно, но при этом в нем отражены представления людей, сохранявших сознание родового строя. Франки, как и все древние германцы, воспринимали окружающий мир в самой тесной предметной и чувственной связи с его частями. Она существовала не только при восприятии земли и ее ценности, как показал А.Я. Гуревич [3, с. 39–41, 58], но, видимо, и в отношении с отдельными предметами, осязаемыми телесно или мистически при помощи разнообразных ритуалов (горсть земли, разламывание веток). Вероятно, такое непосредственное и предметное восприятие мира проявилось и в том, что одной из наиболее «верных», в смысле убедительных, улики оказалась обнаруженная вещь, которую можно было непосредственно и прилюдно предъявить на судебной сходке.

Использованные примеры из «Салической Правды» позволяют сказать, что понятие «верная улика» в сочетании со словесными оборотами «и будет уличен», «и будет застиг-

нут» выражало в те времена не столько указание составителей судебника на конкретный вид улики, ибо ее суть была в тексте определена ими только в самых общих чертах как «верная», сколько на ее убедительный и неопровержимый характер. Такая улика воспринималась королевской властью, судьями и населением как основополагающее условие, при котором могла быть точно обоснована вина подозреваемого франка и вынесено положенное при этом наказание. При ее отсутствии (а также свидетелей) оставалось только брать на веру клятвы соприсяжников или испытывать подозреваемого при помощи ордалия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грацианский, Н. П. К толкованию термина *villa* в Салической Правде / Н. П. Грацианский // Средние века. – 1946. – Вып. 2. – С. 73–81.
2. Гуревич, А. Я. Аграрный строй варваров / А. Я. Гуревич // История крестьянства в Европе. В 3 т. Т. 1. – М. : Наука, 1987. – С. 90–127.
3. Гуревич, А. Я. Древние германцы / А. Я. Гуревич // Гуревич, А. Я. Избранные труды. В 2 т. Т. 1. Древние германцы. Викинги. – М. ; СПб. : Унив. кн., 1999. – С. 24–78.
4. Гутнова, Е. В. Развитие феодализма во Франкском государстве / Е. В. Гутнова // История средних веков. В 2 т. Т. 1 / под ред. З. В. Удальцовой, С. П. Карпова. – М. : Высш. шк., 1990. – С. 85–116.
5. Данилова, Г. М. Сельское хозяйство у франков по Салической и Рипуарской «Правдам» / Г. М. Данилова // Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена. – 1948. – Т. 68. – С. 115–133.
6. Данилова, Г. М. Свободное франкское общество и его эволюция в VI–VIII веках (по данным Салической и Рипуарской правд) / Г. М. Данилова // Ученые записки Карельского государственного педагогического института. – 1959. – Т. 6. – С. 43–66.
7. Золотарев, А. Ю. Судебная система у салических франков в VI–VII вв. / А. Ю. Золотарев // Новик : сб. науч. работ. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та. – 2000. – Вып. 3. – С. 38–48.
8. Неусыхин, А. И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI–VIII вв. / А. И. Неусыхин. – М. : АН СССР, 1956. – 420 с.
9. Неусыхин, А. И. Новые данные по источниковедению Салической правды / А. И. Неусыхин // Средние века. – 1960. – Вып. 17. – С. 394–409.
10. Неусыхин, А. И. Свобода и собственность в варварских правдах (очерки эволюции варварского общества на территории Западной Европы в V–VIII вв.) / А. И. Неусыхин // Неусыхин, А. И. Проблемы европейского феодализма. – М. : Наука, 1974. – С. 35–210.

11. Омельченко, О. А. Всеобщая история государства и права / О. А. Омельченко. – М. : Эксмо, 2011. – 592 с.

12. Садретдинов, К. Г. Суд Салической Правды в интерпретации Фюстель де Куланжа / К. Г. Садретдинов // Методологические и историографические проблемы исторической науки. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1965. – С. 253–261. – (Труды Томского университета ; т. 178, вып. 3).

13. Салическая Правда / под ред. В. Ф. Семёнова ; латин. текст и рус. пер. Н. П. Грацианского. – М. : Изд-во МГПИ, 1950. – 168 с.

14. Сутьгина, О. А. К проблеме эволюции собственности и представлений о ней в варварских обществах (на основе сравнительного анализа данных Салической и Рипуарской Правд) / О. А. Сутьгина // Вестник Удмуртского государственного университета. – 1995. – № 2. – С. 33–43.

15. Уоллес-Хедрилл, Дж.-М. Варварский Запад. Раннее средневековье. 400–1000 / Дж.-М. Уоллес-Хедрилл. – СПб. : Евразия, 2002. – 224 с.

16. Чельцов-Бебутов, М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах / М. А. Чельцов-Бебутов. – СПб. : Альфа : Равена, 1995. – 846 с.

17. Черниловский, З. М. Всеобщая история государства и права / З. М. Черниловский. – М. : Юрист, 1995. – 576 с.

18. Drew, K. F. The Laws of the Salian Franks / K. F. Drew. – Philadelphia : University of Pennsylvania press, 1991. – 272 p.

19. Sohm, R. Der Prozess der Lex Salica / R. Sohm. – Weimar : Böhlau, 1867. – 238 S.

REFERENCES

1. Gratzianskiy N.P. K tolkovaniyu termina villa v Salicheskoy Pravde [To the Interpretation of the Term *Villa* in Lex Salica]. *Srednie veka*, 1946, iss. 2, pp. 73-81.
2. Gurevich A.Ya. Agrarnyy stroy varvarov [The Agrarian System of the Barbarians]. *Istoriya krestyanstva v Evrope. V 3 t. T. 1* [The History of Peasantry in Europe. In 3 vols. Vol. 1]. Moscow, Nauka Publ., 1987, vol. 1, pp. 90-127.
3. Gurevich A.Ya. Drevnie germantsy [The Early Germans]. *Izbrannye trudy. V 2 t. T. 1. Drevnie germantsy. Vikingi*. Moscow; Saint Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 1999, pp. 24-78.
4. Gutnova E.V. Razvitie feodalizma vo Frankskom gosudarstve [The Evolution of the

Feodalism in the Frankish State]. Udaltsova Z.V., Karpov S.P., eds. *Istoriya srednikh vekov*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990, pp. 85-116.

5. Danilova G.M. Selskoe khozyaystvo u frankov po Salicheskoy i Ripuarskoy «Pravdam» [The Agriculture of the Franks according to the *Lex Salica* and the *Lex Ribuaria*]. *Uchenye zapiski Leningradskogo pedagogicheskogo instituta im. A.I. Gertsena*, 1948, vol. 68, pp. 115-133.

6. Danilova G.M. Svobodnoe frankское obshchestvo i ego evolyutsiya v VI–VIII vekakh (po dannym Salicheskoy i Ripuarskoy pravd) [The Free Frankish Society and Its Evolution in the 7th – 8th Centuries AD]. *Uchenye zapiski Karelskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*, 1959, vol. 6, pp. 43-66.

7. Zolotarev A.Yu. Sudebnaya sistema u salicheskikh frankov v VI–VII vv. [The Judicial System of the Salian Franks in the 5th – 7th Centuries AD]. *Novik: sb. nauch. rabot. Vorenezh*, Izd-vo VGU, 2000, no. 3, pp. 38-48.

8. Neusykhin A.I. *Vozniknovenie zavisimogo krestyanstva kak klassa rannefeodalnogo obshchestva v Zapadnoy Evrope VI–VIII vv.* [The Origin of the Dependent Peasantry as a Class of the Early Feudal Society in Western Europe in the 6th – 8th cc.]. Moscow, AN SSSR Publ., 1956. 420 p.

9. Neusykhin A.I. Novye dannye po istochnikovedeniyu Salicheskoy pravdy [New Information on the Source Study of the *Lex Salica*]. *Srednie veka*, 1960, iss. 17, pp. 394-409.

10. Neusykhin A.I. Svoboda i sobstvennost v varvarskikh pravdakh (oчерki evolyutsii varvarского obshchestva na territorii Zapadnoy Evropy v V–VIII vv.) [The Freedom and Property in the *Leges Barbarorum* (Essays on the Evolution of Barbarian Society in Western Europe in the 5th – 8th cc.)]. Neusykhin A.I. *Problemy evropeyskogo feodalizma* [The Problems of the European Feodalism]. Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 32-210.

11. Omelchenko O.A. *Vseobshchaya istoriya gosudarstva i prava* [The Universal History of State and Law]. Moscow, Eksmo Publ., 2011. 592 p.

12. Sadretdinov K.G. Sud Salicheskoy Pravdy v interpretatsii Fyustel de Kulanzha [The Legal Proceedings in the *Lex Salica* in the Interpretation of Fustel de Coulanges]. *Metodologicheskie i istoriograficheskie problemy istoricheskoy nauki*. Tomsk, Izd-vo TGU, 1965, pp. 253-261. (Trudy Tomskogo universiteta; vol. 178, iss. 3).

13. Semenov V.F., ed. *Salicheskaya Pravda* [Lex Salica]. Moscow, Izd-vo MGPI, 1950. 168 p.

14. Sutygina O.A. K probleme evolyutsii sobstvennosti i predstavleniy o ney v varvarskikh obshchestvakh (na osnove sravnitel'nogo analiza dannykh Salicheskoy i Ripuarskoy Pravd) [About the Problem of the Evolution of the Property and the Ideas about It (Based on the Comparative Analysis of the *Lex Salica* and the *Lex Ribuaria*)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, 1995, no. 2, pp. 33-43.

15. Wallace-Hadrill J.-M. *Varvarskiy Zapad. Rannee srednevekovye. 400–1000* [The Barbarian West. The Early Middle Ages AD 400-1000]. Saint Petersburg, Evraziya Publ., 2002. 224 p.

16. Cheltsov-Bebutov M.A. *Kurs ugolovno-protsessual'nogo prava. Oчерki po istorii suda i ugolovnogo protsessu v rabovladelcheskikh, feodalnykh i burzhuaznykh gosudarstvakh* [The Course of the Criminal Procedure Law. Essays on the History of the Court and Criminal Process in the Slave-Owing, Feudal and Bourgeois States]. Saint Petersburg, Alfa Publ.; Ravena Publ., 1995. 846 p.

17. Chernilovskiy Z.M. *Vseobshchaya istoriya gosudarstva i prava* [The Universal History of the State and Law]. Moscow, Yurist Publ., 1995. 576 p.

18. Drew K.F. *The Laws of the Salian Franks*. Philadelphia, University of Pennsylvania press, 1991. 272 p.

19. Sohm R. *Der Prozess der Lex Salica*. Weimar, Böhlau, 1867. 238 p.

Information about the Author

Vladimir N. Dryakhlov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor of Department of Theory and History of State and Law, Volgo-Vyatka Institute (Branch) of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Lenina St., 99, 610002 Kirov, Russian Federation, dryakhlovlad@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4846-2365>

Информация об авторе

Владимир Николаевич Дряхлов, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), ул. Ленина, 99, 610002 г. Киров, Российская Федерация, dryakhlovlad@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4846-2365>